

DOI 10.35775/PSI.2026.132.3.020

УДК 327.3

К.Е. ОКСИМОВ

аспирант кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского)
федерального университета, Россия, г. Казань
E-mail: Oximov@gmail.com

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Ч.А. МИСБАХОВА

доктор экономических наук, доцент,
профессор Казанского (Приволжского)
федерального университета,
Россия, г. Казань

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»

Статья анализирует роль европейской идентичности в формировании и реализации политики Европейского союза в рамках проекта «Восточное партнерство». Исследование показывает, что европейская идентичность функционирует не просто как символический конструкт, а как практический инструмент политической власти, позволяющий ЕС влиять на страны-партнеры через трансляцию норм демократии, верховенства права и прав человека. Автор выделяет три уровня функционирования европейской идентичности: гражданско-политический, культурно-цивилизационный и инструментально-политический. Анализируются институциональные механизмы трансляции идентичности, включая региональные программы, финансовые инструменты и поддержку гражданского общества. Конфликт на Украине коренным образом трансформировал содержание европейской идентичности, смещая ее фокус с норм и ценностей в сторону военно-технического сотрудничества и безопасности. Статья выявляет глубокие противоречия между декларируемыми универсальными ценностями европейской идентичности и реальной геополитической логикой действий ЕС как международного актора, а также раскрывает проблемы неравномерного развития, сопротивления к европеизации и альтернативные видения идентичности в регионе. Молдова представляется тестовым случаем для анализа рецепции и адаптации европейской идентичности в странах-партнерах.

Ключевые слова: международные отношения, европейский союз, ЕС, европейская идентичность, идентичность, интеграция, политика, восточное партнерство.

Восточное партнерство, инициированное ЕС в декабре 2008 года и охватывающее Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию, Молдову и Украину, представляет собой уникальный механизм, посредством которого европейские ценности, нормы и идентичность проецируются за физические границы союза [18].

Европейская идентичность же представляет собой сложный многоуровневый конструкт, формируемый взаимодействием исторических, культурных, политических и правовых факторов. Согласно Договору о Европейском союзе, Союз основан на ценностях уважения к человеческому достоинству, свободе, демократии, равенству, верховенству права и уважении к правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности, закрепленные в формальных документах ЕС, составляют основу того, что можно назвать нормативной европейской идентичностью.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13].

Однако проблему роли европейской идентичности в формировании и реализации политики Европейского союза в рамках проекта «Восточное партнерство» нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Европейская идентичность в современном понимании функционирует на нескольких взаимосвязанных уровнях. На первом уровне она является гражданской идентичностью, основанной на членстве в политическом сообществе и обладании правами и обязанностями, вытекающими из статуса гражданина ЕС. На втором уровне она представляет собой культурно-цивилизационную идентичность, укорененную в общих исторических традициях, христианском наследии и разделяемых культурных ценностях, что получило свое отражение в риторике европейских политических лидеров. На третьем уровне европейская идентичность функционирует как политический инструмент, посредством которого ЕС проецирует свою нормативную мощь на соседние регионы и страны, стремясь к их трансформации согласно европейским стандартам и принципам.

Важно отметить, что европейская идентичность не является статичной категорией, а постоянно переопределяется в зависимости от контекста и конкретных геополитических обстоятельств. В условиях глобализации и развития информационных технологий европейская идентичность подвергается трансформации и переоценке, отражая изменения в обществе и новые вызовы, с которыми сталкивается Европа. Поскольку культурные нормы, ценности и традиции играют ключевую роль в развитии идентичности, культурные изменения в Европе неизбежно влияют на то, как воспринимается и реализуется европейская идентичность в контексте международных отношений и внешней политики.

Восточное партнерство, инициированное ЕС в 2009 году, представляет собой многоуровневую платформу, которая служит механизмом проецирования европейской идентичности и ее нормативных компонентов в восточноевропейское пространство. Проект охватывает четыре основные области сотрудничества: политический диалог, экономическую интеграцию, сектор безопасности и развитие гражданского общества [10. С. 48-60]. Однако более глубокий анализ показывает, что под этой организационной структурой скрывается амбициозный

проект по трансформации политических, правовых и культурных систем стран-партнеров в соответствии с европейскими образцами и стандартами.

Региональное сотрудничество в рамках Восточного партнерства сосредоточено на решении общих проблем, стоящих перед всеми шестью восточноевропейскими странами, посредством обмена информацией, наилучшей практики и извлеченных уроков. Ключевые региональные программы включают EU4Business, EU4Environment, EU4Digital, EU4Innovation, EU4Energy, EU4Youth и EU4Gender Equality [14]. Каждая из этих программ содержит в себе нормативный компонент, направленный на трансляцию европейских стандартов и ценностей в конкретные сферы политики и общественной жизни.

Финансовое измерение трансляции европейской идентичности в рамках Восточного партнерства реализуется через Инструмент соседства, развития и международного сотрудничества - Глобальная Европа (NDICI-GE), который заменил европейский инструмент соседства (ENI) на период 2021-2027 годов. Этот инструмент фактически становится средством, посредством которого ЕС покупает согласие стран-партнеров на принятие европейских норм и стандартов. Финансовая поддержка предоставляется государствам, которые демонстрируют приверженность демократизации, развитию верховенства права и защите прав человека, создавая таким образом механизм позитивного стимулирования, связанный с европейской идентичностью.

Помимо государственных механизмов, ЕС активно поддерживает гражданское общество в странах-партнерах как ключевого актора трансляции европейской идентичности. В 2023 году Европейская комиссия подписала второй цикл Рамочных соглашений о партнерстве (FPAs) с десятью международными организациями гражданского общества, активными в Восточном партнерстве [14]. Эти соглашения направлены на укрепление роли организаций гражданского общества как акторов управления, увеличение их потенциала и устойчивости в регионе, а также на укрепление их роли в процессах демократизации и реформ.

Концепция нормативной мощи Европейского союза представляет собой одно из ключевых объяснений того, как ЕС влияет на соседние страны и стремится к их трансформации без прямого применения военной силы или экономического принуждения. Нормативная мощь обозначает способность ЕС влиять на государства посредством норм, а именно демократии, верховенства права и прав человека, позиционируя эти ценности не просто как желательные, но как необходимые.

Восточное партнерство исторически функционировало как главный инструмент реализации этой нормативной мощи в восточноевропейском регионе. Цель проекта была сформулирована в терминах привлечения стран-партнеров в орбиту европейской системы норм и ценностей, предполагая, что такая привлечение будет способствовать демократизации, повышению благосостояния и в конечном итоге политической стабилизации региона. Однако практическая реализация этой философии столкнулась с серьезными вызовами и проблемами.

Например, можно отметить непоследовательность самой европейской идентичности. ЕС столкнулся с критикой за непоследовательное применение своих нормативных принципов, особенно в отношении конфликта в Газе и палестино-израильского конфликта, где многие критики утверждали, что Европа не применяла равные стандарты и фактически подавляла мирные про-палестинские протесты. Эта непоследовательность подрывает легитимность европейской нормативной мощи в глазах как стран-партнеров, так и международного сообщества.

Отдельный кризисный момент был спровоцирован конфликтом на Украине. Российская специальная военная операция, начавшаяся в 2022 году, резко изменила геополитический контекст Восточного партнерства [15]. Если раньше проект мог полагаться на относительно мирный международный порядок и взаимное признание норм, то теперь он должен функционировать в условиях острого геополитического конфликта, где вопросы безопасности вышли на передний план. Это вынудило ЕС переформулировать свой подход к Восточному партнерству, добавив в него значительный компонент безопасности и военной поддержки, что потенциально ослабляет его нормативный аспект.

Восточное партнерство объединяет страны с очень разными политическими траекториями и стратегическими ориентациями. Украина и Молдова заявляют о стремлении к членству в ЕС и НАТО. Грузия следует похожей траектории, хотя с большей осторожностью в отношении России [18]. С другой стороны, Беларусь потеряла интерес к проекту. Азербайджан и Армения занимают промежуточные позиции, балансируя между различными великими державами [10. С. 48-60]. Эта разнородность делает затруднительным применение единого норматива европейской идентичности ко всем странам-партнерам.

С переходом конфликта на Украину в горячую фазу в 2022 году, коренным образом трансформировалась не только практика Восточного партнерства, но и сама европейскую идентичность и ее содержание. Европейская Комиссия опубликовала план по усилению поддержки восточных регионов ЕС, граничащих с Россией, Беларусью и Украиной, с целью «сделать их более безопасными, устойчивыми и привлекательными местами для жизни и работы» [15].

Таким образом, ЕС включил в проект Восточного партнерства более явные компоненты, связанные с безопасностью, военной мощью и геополитической конкуренцией. Новые инициативы, такие как Eastern Flank Watch, European Drone Defence initiative, European Air Shield и European Space Shield, представляют собой смещение фокуса с норм и ценностей в сторону военно-технического сотрудничества [15]. Это смещение имеет глубокие последствия для концепции европейской идентичности, которая исторически позиционировалась как гражданская и нормативная сила, в отличие от военной мощи США.

Это смещение также отражается в риторике и дипломатии европейских лидеров. Европейская комиссия и Высокий представитель ЕС стали более явно артикулировать европейскую идентичность в терминах «противостояния авторитарным альянсам», включающим Китай, Иран, Северную Корею и Россию.

Проблема депопуляции и нехватки трудовых ресурсов в восточных регионах ЕС выявляет глубокое противоречие в европейской идентичности. Европейская идентичность концептуализируется в терминах свободы передвижения, равных возможностей и благоустройства для всех граждан. Однако в действительности свобода передвижения в Европе привела к массовой миграции из менее развитых восточных регионов в более богатые западные центры, создав демографические и экономические дисбалансы [15].

Гражданское общество играет ключевую роль в формировании и распространении европейской идентичности в странах Восточного партнерства. Организации гражданского общества функционируют как посредники между европейскими институтами и местным населением, переводя абстрактные европейские нормы на язык местных контекстов и актуальных проблем [14]. Программы, такие как EU4Youth, направленные на вовлечение и расширение возможностей молодежи в странах-партнерах, работают на предположении, что молодое поколение, воспитанное на европейских ценностях, будет проводником европеизации своих обществ. Инициатива «Молодые европейские послы» прямо нацелена на создание добровольческой коммуникационной сети молодых людей, которые будут распространять идеи европейской идентичности в своих сообществах [16].

Однако работа гражданского общества в контексте Восточного партнерства сталкивается с серьезными вызовами. В условиях конфликта и геополитического напряжения организации гражданского общества часто оказываются в затруднительном положении, вынужденные выбирать между своей миссией по продвижению норм и прав человека и более неотложными потребностями в области безопасности. Кроме того, финансирование гражданского общества, которое основывается на инструменте сотрудничества в области соседства, развития и международной кооперации (NDICI-GE) и других программах ЕС, подвержено колебаниям политической позиции Европы и ее восприятия стратегических приоритетов [14].

Молдова представляет собой особенно интересный тестовый случай для анализа того, как европейская идентичность транслируется и принимается в странах Восточного партнерства. Молдова официально стала кандидатом на членство в ЕС в 2022 году и активно участвует в процессе адаптации своего законодательства к европейским стандартам. Молдавские государственные служащие начали обучение на новой системе электронного мониторинга (e-Monitoring) в январе 2026 года, которая разработана для помощи в согласовании национального законодательства с европейскими стандартами [17]. Эта система отражает попытку ЕС унифицировать управленческие процессы в странах-кандидатах и странах-партнерах с целью облегчить их интеграцию в европейские структуры.

Молдова также была выбрана в качестве пилотной страны для ряда инициатив ЕС в области развития и трансформации. ЕС высоко оценил демократические реформы Армении и пообещал существенную поддержку гражданскому обществу, средствам массовой информации и социально-экономическому развитию.

Болгарский Комплексный реестр электронных судебных решений и Молдавская система электронного мониторинга представляют собой конкретные попытки ЕС проецировать европейские стандарты управления и правосудия в эти страны [17].

Однако опыт Молдовы также выявляет противоречия и сложности в процессе трансляции европейской идентичности. Молдова географически и исторически тесно связана с Россией, и значительная часть молдавского населения говорит по-русски и разделяет культурные и исторические связи с постсоветским пространством. Выбор в пользу европейской интеграции для многих молдаван представляет собой глубокий разрыв с исторической идентичностью и культурными корнями, что создает внутреннее напряжение в обществе. Это напряжение отражается в политической жизни Молдовы, где имеют место острые споры о будущем направлении развития страны [18].

Европейское управление все чаще функционирует посредством инструментов, которые остаются формально необязательными, но вызывают эффекты, сопоставимые с правовым обязательством. Влияние осуществляется посредством оценок, деклараций и согласованных ожиданий, а не посредством связывающих актов. В контексте Восточного партнерства это означает, что ЕС часто влияет на страны-партнеры не через формальные правовые механизмы, а через нормативное давление, создаваемое посредством оценочных механизмов, политических ожиданий и примеров лучшей практики. Система e-Monitoring в Молдове, как уже упоминалось, является примером такого мягкого влияния, где Молдова принимает европейские стандарты управления не потому, что они закреплены в юридически обязательном договоре, а потому что они позиционируются как необходимые условие для интеграции в ЕС [17].

Несмотря на амбиции и ресурсы, вложенные в Восточное партнерство, существует фундаментальное противоречие между идеалом универсальных норм, представляемых европейской идентичностью, и особенными геополитическими интересами европейских государств. ЕС часто позиционирует себя как защитник универсальных прав человека и демократии, однако на практике часто приносит эти принципы в жертву геополитическим соображениям. Примеры неравномерного применения стандартов прав человека и демократических норм в различных регионах и странах подрывают легитимность европейской нормативной мощи.

Существует также и проблема внутренней разобщенности в самой европейской идентичности. В условиях миграции, мультикультурализма и глобализации европейская идентичность подвергается постоянной переосмысливанию. Кроме того, внутри ЕС существуют значительные разногласия по поводу того, что такое европейская идентичность и какие ценности являются ее основой. Это внутреннее расхождение затрудняет согласованное продвижение единой концепции европейской идентичности в странах-партнерах.

Для многих жителей стран Восточного партнерства, особенно старшего поколения и тех, кто имеет глубокие культурные и исторические связи с Россией

и постсоветским пространством, европейская идентичность воспринимается не как естественное развитие их собственной идентичности, а как навязанная извне альтернативная идентичность. Это создает сопротивление европеизации и может способствовать подъему национализма и консервативных движений, которые позиционируют себя как защитников местной идентичности против европейского культурного империализма [10. С. 48-60].

И, наконец, неравномерное развитие в Восточном партнерстве и внутри ЕС создает материальные основания для скептицизма по отношению к европейской идентичности. Страны-партнеры часто остаются экономически отстающими по сравнению с западноевропейскими странами, несмотря на десятилетия интеграционных процессов. Демографический спад, миграция молодежи в более развитые страны и экономическая стагнация в некоторых восточных регионах ЕС противоречат послы о том, что европейская интеграция принесет благоустройство всем участникам [15]. Это экономическое неравенство подрывает привлекательность европейской идентичности как проекта общего процветания и равных возможностей.

Следует отметить, что европейский проект распространения своей идентичности в Восточном партнерстве встречает не только пассивное сопротивление, но и активные альтернативные видения идентичности. Беларусь, во главе с президентом Лукашенко, продвигает видение, которое основано на суверенитете, недопущении внешних условий и принципе «добрососедства». В этом видении Беларусь готова к сотрудничеству с Россией, странами Востока и другими партнерами на условиях взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Это видение противостоит европейскому проекту, который требует от стран-партнеров принять определенный набор норм и ценностей как условие сотрудничества и интеграции.

Россия, со своей стороны, еще более активно отвергает европейский проект трансляции идентичности, позиционируя себя как защитника альтернативного цивилизационного проекта, основанного на традиционных ценностях, суверенитете и противостоянии западному либерализму [10. С. 48-60]. Хотя Россия формально не входит в Восточное партнерство, ее влияние на его регионе остается значительным, и ее альтернативное видение привлекает определенные политические силы в странах-партнерах ЕС.

Эти альтернативные видения идентичности не следует рассматривать просто как «провал» европейского проекта, но они отражают глубокие исторические, культурные и политические расхождения между восточноевропейским и западноевропейским опытом, которые не могут быть просто устранены посредством трансляции норм и финансирования программ. Альтернативные видения являют собой не менее легитимные попытки определить идентичность и выбрать путь развития, хотя они часто находятся в конфликте с европейским видением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Цели и задачи России в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным Западом // Вопросы политологии. 2024. № 5.
2. **Араев С.И., Титов М.К.** Украинский неонацизм как инструмент политических элит стран Запада в борьбе с Россией // Вопросы политологии. 2024. № 5.
3. **Бохан А.С.** Гуманитарные аспекты внешней политики России на украинском направлении в 1991-2014 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 12.
4. **Велиев Р.Р.** Политика Турции в Азербайджане: влияние на стратегическое партнерство с Россией // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 5.
5. **Гончаренко А.Р.** Западные технологии и инструменты влияния на систему образования в условиях гибридной войны (на материалах Центральной Азии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9.
6. **Дибров Е.А.** Специфика трансформации феномена русофобии в информационном пространстве Украины в условиях геополитического противостояния в Восточной Европе // Вопросы политологии. 2024. № 11.
7. **Егоров С.С.** Политика Украины, Российской Федерации и Европейского союза в отношении урегулирования политического кризиса на Юго-Востоке Украины (2014-2022): политико-международный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 12.
8. **Калачев Е.Г.** Украинский вектор во внешней политике правительства К. Стармера // Вопросы политологии. 2025. № 7.
9. **Медведев Н.П.** К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское национал-строительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. № 2.
10. **Прохоренко И.** Проект Европейского союза «Восточное партнерство»: к проблеме конкуренции на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4 // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2017_04/9.Prokhorenko_Project.pdf.
11. **Скворцов Я.Л., Казарян Г.И., Курилкина Е.А.** Гибридная война: информационные стратегии НАТО и вызовы для России // Вопросы политологии. 2024. № 8.
12. **Холов С.Х., Олимзода С.Ш.** Терроризм и экстремизм как политические вызовы безопасности государств постсоветского пространства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
13. **Щербаков И.М.** К вопросу об особенностях применения цивилизационного подхода к исследованию внешней политики современных государств: обзор отечественных и зарубежных исследований // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.

14. An Official website of the EU // European Commission – Regional Cooperation with Eastern Partners // https://enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/regional-cooperation-eastern-partners_en.
15. An Official website of the EU // News Article «Strong eastern regions for a safe Europe». 18.02.2026 // https://commission.europa.eu/news-and-media/news/strong-eastern-regions-safe-europe-2026-02-18_en.
16. EU NeighboursEast // «EU Ambassador to Moldova Iwona Piorko meets students as Young European Ambassadors launch outreach series» // <https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/eu-ambassador-to-moldova-iwona-piorko-meets-students-as-young-european-ambassadors-launch-outreach-series/>.
17. EU4Digital // «New EU-supported e-Monitoring system to be introduced in Moldova». 30.01.2026 // <https://eufordigital.eu/new-eu-supported-e-monitoring-system-to-be-introduced-in-moldova/>.
18. **Tardieu J.** Russia and the «Eastern Partnership» after the War in Georgia // Ifri – French institute of international relations, analysis. 30.07.2009 // <https://www.ifri.org/en/papers/russia-and-eastern-partnership-after-war-georgia>.

K.E. OXIMOV

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

THE ROLE OF EUROPEAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE EASTERN PARTNERSHIP PROJECT

This article analyzes the role of European identity in the formation and implementation of European Union policy within the Eastern Partnership project. The study demonstrates that European identity functions not simply as a symbolic construct, but as a practical instrument of political power, allowing the EU to influence partner countries by communicating the norms of democracy, the rule of law, and human rights. The author identifies three levels of European identity: civic-political, cultural-civilizational, and instrumental-political. Institutional mechanisms for transmitting identity are analyzed, including regional programs, financial instruments, and civil society support efforts. The conflict in Ukraine has fundamentally transformed the content of European identity, shifting its focus from norms and values to military-technical cooperation and security. The article reveals profound contradictions between the declared universal values of European identity and the actual geopolitical logic of the EU's actions as an international actor, and also uncovers problems of uneven development, resistance to Europeanization, and alternative visions of identity in the region. Moldova is presented as a test case for analyzing the reception and adaptation of European identity in partner countries.

Key words: international relations, European Union, EU, European identity, identity, integration, politics, eastern partnership.